

**ИНТЕГРАЦИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Том 2

**INTEGRATING
ARCHAEOLOGICAL
AND ETHNOGRAPHIC
RESEARCH**

Volume 2

2013

Институт археологии и этнографии СО РАН
(Россия, Новосибирск)

Иркутский государственный технический
университет (Россия, Иркутск)

Омский филиал Института археологии и
этнографии СО РАН (Россия, Омск)

Иркутский филиал Института археологии и
этнографии СО РАН (Россия, Иркутск)

Университет Абердина (Великобритания,
Абердин)

Восточно-Сибирская государственная
академия образования (Россия, Иркутск)

Иркутский государственный университет
(Россия, Иркутск)

Омский государственный университет им.
Ф.М. Достоевского (Россия, Омск)

Сибирский филиал Российского института
культурологии (Россия, Омск)

Institute of Archaeology and Ethnography of
the SB of the RAS (Russia, Novosibirsk)

Irkutsk State Technical University (Russia,
Irkutsk)

Omsk Division of Institute of Archaeology and
Ethnography of the SB of the RAS (Russia,
Omsk)

Irkutsk Division of Archaeology and
Ethnography of the SB of the RAS (Russia,
Irkutsk)

University of Aberdeen (Great Britain,
Aberdeen)

East Siberian State Academy of Education
(Russia, Irkutsk)

Irkutsk State University (Russia, Irkutsk)

Omsk State University of F.M. Dostoevsky
(Russia, Omsk)

Siberian division of Russian institute of
culturologia (Russia, Omsk)

Интеграция археологических и этнографических исследований

Том 2

Сборник научных трудов

Иркутск, Омск

Integrating archaeological and ethnographic research

Volume 2

Conference Proceedings

Irkutsk, Omsk

2013

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ИрГТУ

Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов: в 2 т. / гл. ред. Н.А. Томилов, отв. ред. Д. Дж. Андерсон, М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, А.В. Харинский. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 2. – 310 с.

Сборник научных трудов подготовлен на основании материалов исследователей - участников XX международного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Иркутск, 26-30 мая 2013 г.). Симпозиум был посвящен 200-летию со дня рождения М.А. Кастрена и 85-летию со дня рождения Р.Г. Кузеева.

В сборнике представлены работы ученых: археологов, этнологов, антропологов, экологов и других специалистов из Азии, Европы, Северной и Центральной Америки. Статьи посвящены изучению проблем интеграции археологических и этнографических исследований по следующему кругу проблем: «Этноархеологические исследования: теория, методика, историография, источники», «Археология окружающей среды: человек, животные, окружающий ландшафт; влияние человека, животных на окружающий ландшафт, приспособление к нему», «Взаимодействие человека и животных по данным археологии и этнографии», «Сакральные территории по данным археологии и этнографии», «Мир инобытия: мировоззрение и практики древних и традиционных обществ по данным археологии, этнографии и смежных наук», «Исторические реконструкции по данным археологии и этнографии».

Книга рассчитана на специалистов в области археологии, этнологии, этноархеологии, истории, культурологии и других наук.

These conference proceedings were assembled from the original scientific papers of the participants of the 20th international symposium «Integrating archaeological and ethnographic research», which took place in Irkutsk on May 26-30, 2013. The symposium was devoted to the 200th anniversary of the birth of M.A. Kastren and to the 85th anniversary of the birth of R.G. Kuzeev.

The proceedings collect the work of: archaeologists, ethnologists, anthropologists, ecologists and other experts from Asia, Europe, North and Central America. It is devoted to studying the problems of how to integrate archaeological and ethnographic research. The following themes are addressed: “Ethnoarchaeological researchs: theory, technique, historiography, and sources”, “Environmental archaeology: (humans, animals, the surrounding landscape; the influence of people and animals on the surrounding landscape, their adaptation to it)”, “Biosociality: New conceptions of human and or animal agency as documented by archaeological and ethnographic research”, “Sacred Landscapes: Sacred territories as documented by archaeological and ethnographic research”, “Alternative Worlds and Worldviews (инобытия): The Worldview and practices of ancient and traditional societies as documented by archeologists, ethnographers and interdisciplinary researchers”, “Historical reconstruction by archeological and ethnographic research”.

The book will be of interest to experts in the field of archeology, ethnology, ethnoarchaeology, history, cultural science and other sciences.

Рецензенты: канд. ист. наук **Н.А. Савельев**, Иркутск;
канд. ист. наук **Б.А. Конилов**, Омск

Редакционная коллегия: Д. Дж. Андерсон (отв. ред.); канд. ист. наук М.А. Корусенко (отв. ред.); академик, д-р. ист. наук В.И. Молодин; канд. ист. наук А.В. Тетенькин; канд. ист. наук М.Н. Тихомирова; канд. ист. наук С.С. Тихонов (отв. ред.); д-р ист. наук Н.А. Томилов (гл. ред.); д-р ист. наук А.В. Харинский (отв. ред.); Н.С. Баранова (уч. секретарь)

*Симпозиум проходил при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 13-06-06-045*

ISBN 978-58038-0835-0 (т. 2)
ISBN 978-5-8038-0834-3

© Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, 2013
© Иркутский государственный технический университет, 2013

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО ДАНЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ HISTORICAL RECONSTRUCTION BY ARCHEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH

К. Алтынбеков

Казахстан, Алматы, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»
КОНСЕРВАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК

Abstract

It is shown in the article the experience of scientific-restoration laboratory «Ostrov Krym» in Kazakhstan of conservation of archaeological finds and their further reconstruction. Sequence of stages of performed works («from excavation - to exposition») considered on example of reconstruction of gala horse harness from Berel burial ground in Kazakh Altai.

Важнейшим направлением многогранной деятельности научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» является консервация археологических находок с последующей реконструкцией, как отдельных предметов, так и комплексов исторического костюма, вооружения, конского снаряжения. Воссоздание археологических артефактов в новых материалах ни в коей мере не затрагивает подлинники, сохраняющиеся благодаря консервации в том виде, в каком они дошли до нашего времени.

Наиболее достоверный результат реконструкции достигается при участии автора в полевых работах, изучении всех нюансов расположения предметов в раскопе и их корректном полном изъятии. В случае поступления к нам находок, извлеченных из раскопа археологами, могут появиться дополнительные изменения внешнего вида отдельных артефактов (покрытие поверхности неизвестными полимерами, неправильная склейка деталей), а также их положения относительно друг друга. Более информативными являются комплексы, взятые монолитом, с последующей разборкой в лаборатории.

Консервация археологических артефактов из различных материалов выполняется как по апробированным, так и по собственным методикам. Консервация содержит элементы реставрации – присоединение фрагментов, устранение деформаций, в случае крайней необходимости – внесение реставрационных дополнений. В течение этих процессов идет накопление данных для воссоздания предмета в новом материале.

Следующим этапом является графическая реконструкция, когда удаляются все изменения, происшедшие с каждым предметом в процессе археологизации (утраты отдельных элементов, наслоения, искажения, деформации, имеющиеся на оригинале), и восстанавливается его первоначальный облик. Затем по разработанному рисунку/чертежу вырезается восковая модель для литья или выполняется натурная реконструкция в другом материале.

Рассмотрим подробно этапы реконструкции на примере воссоздания парадного убранства лошадей из могильника Берел раннего железного века, который находится в горах Казахского Алтая. Значение этого комплекса археологических находок сформулировано учеными Алтайского университета: «Элементы конского снаряжения,

особенно декоративные предметы, выступают в качестве важных источников информации при историко-культурных реконструкциях, поскольку являются хронологически значимыми артефактами, несут этнокультурную нагрузку, демонстрируют социальное и имущественное положение человека, которому они принадлежали. Указанные характеристики предметов конской амуниции позволяют проследить культурно-генетические трансформации и этнополитические процессы на территории Алтая. Такие археологические материалы позволяют изучать уровень развития декоративного производства, выявлять направления художественных новаций и процессы формирования этнокультурных традиций в рассматриваемой сфере» (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2005: 6)

Курган 11 могильника Берел является сооружением, обеспечивающим создание курганной мерзлоты, которая действительно существовала до ограбления кургана, но до нашего времени дошла лишь частично, так как условия ее образования были нарушены грабительским лазом.

Захоронение лошадей, лежащих в 2 яруса, уплотненное временем и потревоженное грабителями, представляло собой грязевую массу толщиной менее метра, насыщенную разложившимися материалами, многие из которых не отличались от грязи по виду и консистенции. Массив был разделен на участки размером около 1 м², вырезанные монолитами ниже уровня пола (для поднятия более крупных блоков не было ни времени, ни приспособлений). При формировании монолитов мы видели только содержимое поверхностных слоев, а внутри можно было повредить дерево или перерезать седло. В дальнейшем был разработан метод извлечения подобных находок крупными блоками, позволяющий сохранить все артефакты (Алтынбеков, 2010: 402).

В кургане были обнаружены 13 взнузданных и оседланных лошадей в парадном убранстве, значительная часть которого была повреждена структурно (в процессе археологизации) и механически (при ограблении кургана и извлечении из раскопа), отдельные элементы снаряжения остались лежать на месте. При разборке монолитов в лаборатории удалось восстановить общую картину захоронения.

Верховая конская сбруя представлена железными кольчатыми удилами, седлами и резными деревянными деталями, плакированными золотой фольгой. Украшения конского снаряжения выполнены из древесины кедра, ко времени раскопок превратившейся в мокрое дерево высокой степени деградации. Несмотря на присутствие французских реставраторов при археологических исследованиях кургана, применяющих общепринятую в Европе и Японии методику консервации мокрой археологической древесины, мы пошли своим путем по нескольким причинам. Во-первых, в соответствии с их требованиями далеко не все предметы из материалов органического происхождения подлежали консервации, большую часть таких находок предполагалось только сфотографировать, отрисовать, описать. Во-вторых, деревянные предметы, прошедшие консервацию по европейской технологии, представляют как бы полуфабрикат, так как должны храниться в специально созданных условиях. В третьих, процессы консервации и последующего экспонирования или хранения требуют наличия дорогостоящего оборудования.

В результате длительных исследований и экспериментов нами были разработаны составы и методы, обеспечивающие укрепление деградированной древесины с сохранением внешнего вида (Ахметкалиев, Алтынбеков, 2001, 2004а, 2004б, 2012). Преимуществом нашей технологии, по сравнению с зарубежными, является экономичность консервационного процесса и условий хранения экспонатов без создания искусственного микроклимата. Таким образом, разрушающиеся деревянные изделия, которые до консервации могли сохраняться лишь при определенном

температурно-влажностном режиме, стали музейными экспонатами, а также основным источником для достоверной реконструкции конского убранства.

Комплект деревянных предметов, находящихся на одной лошади, включал два псаля, два распределителя ремней, до двадцати нашивных и подвесных блях. Изделия были разной степени сохранности, но их повторяемость позволила выявить целостный вид каждого. Сохранилась фрагментарно или в следах плакировка золотой и оловянной фольгой. Подобный способ изготовления является погребальной имитацией драгоценного металла, поэтому при реконструкции произведена замена деревянных изделий на металлические, чтобы лучше выявить художественные особенности украшений, скрываемые фольгой. По прорисовкам отдельных деталей были изготовлены восковые модели для последующего литья (Рис. 1, в), контактное копирование подлинников не производилось.

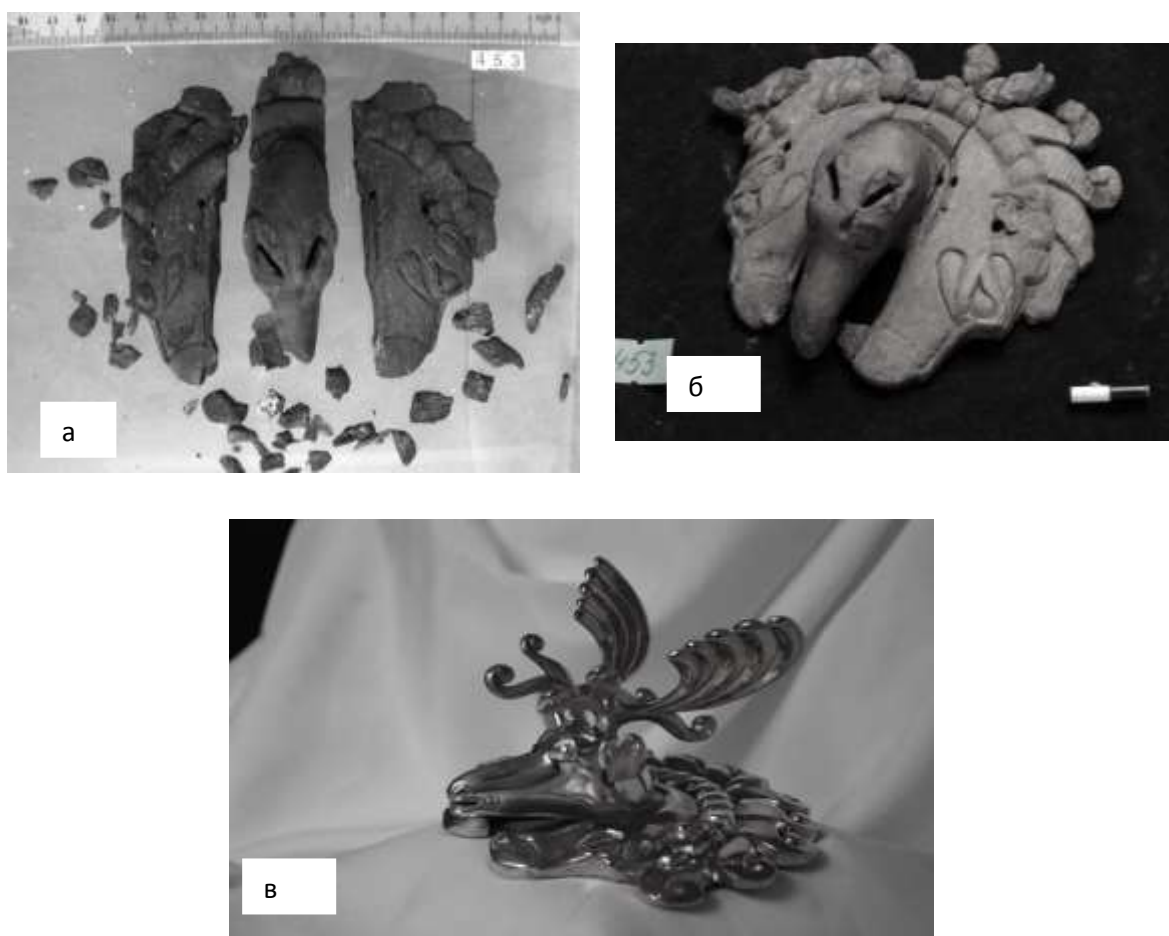

Рис. 1. Консервация и реконструкция скульптурного изображения головы лося в клюве грифона:
а – до реставрации; б – после реставрации; в – реконструкция

Четыре лошади имели скульптурные деревянные изделия, имитирующие рога горного козла, которые украшали маски (Рис. 1, а-б; 2, 3). Рога воспроизведены из того же материала и в той же технике, исследованной В.П. Мыльниковым (Самашев, Мыльников, 2004: 222-223, рис. 293-305).

Снаряжение некоторых коней включало щиты, от которых сохранились лишь палочки, на их боковых гранях имелись следы кожи, стягивающей деревянную основу предмета. Восстановлена конструкция щита по аналогу из первого Пазырыкского кургана (Руденко, 1953, табл. LXXXII); следы краски, выявленные на отдельных деревянных деталях оригинала, дали основание для его декорирования.

Рис. 2. Реконструкция конского убора на чучеле коня. Основной изобразительный мотив украшений – голова лоса в клюве грифона

Рис. 3. Реконструкция конского убора на каркасной конструкции

Наиболее длительным и сложным был процесс консервации седельных комплексов, включающих подушку, покрышку с аппликациями, украшения, седельные дужки (Алтынбеков, Чарлина, 2012; Altynbekov, 2012). Седла, взятые из раскопа монолитом, представляют собой конгломераты, образованные материалами всех компонентов комплекса (ткань, войлок, растительная набивка подушки, дерево, иногда с остатками металла), останками лошади (конские шкура и кости), всевозможными продуктами разложения и грунтом. До консервации седла хранятся в холодильнике во влажном состоянии. В отличие от укокских войлоков, тканей, мехов, «состояние которых улучшается по мере высыхания» (Молодин, 2000: 54), наши материалы разрушаются даже при незначительном понижении влажности, что обусловлено их высокой степенью деградации. Влага в смеси с почвенными загрязнениями связывает деструктурированные волокна, а пониженная температура препятствует биоразрушению. Целью консервационных мероприятий было предотвращение дальнейшей деструкции органических материалов, их стабилизация для хранения в обычных музейных условиях. Так как беспорядочное сочетание составляющих конгломерата не дает возможности работы индивидуально с каждым материалом, использован подход, аналогичный консервации дерева (Ахметкалиев, Алтынбеков, 2010) – стабилизировать седельные комплексы во влажном состоянии, сочетая пропитку с постепенной сушкой. Разборка конгломерата проводилась лишь с обратной стороны седла, где были удалены останки лошади. В результате консервации седельный комплекс стал самостоятельным экспонатом и полноценным источником для реконструкции конского снаряжения.

Подушка седла была изготовлена из прочного текстиля с растительным наполнением, покрышка – из войлока, украшенного войлочными аппликациями. Равномерно по поверхности подушки располагалась стяжка внутренней набивки. Седло-сидение, закрепленное на лошади, несло основную нагрузку от вооружения и добычи и должно было обеспечить равномерное и взаимнокомпенсированное распределение нагрузок. При реконструкции мы воссоздали не только внешний вид, но и все функции древнего седла (Рис. 2, 3).

Имея отдельные составляющие комплекса конского убора, мы перешли к их размещению на лошади. Разборка монолитов в лаборатории не дала возможности идентифицировать немногие сохранившиеся фрагменты кожи и восстановить ременную часть сбруи. Схемы послойной фиксации металлических и деревянных

деталей дают почти полную картину снаряжения некоторых лошадей. Место смещенных предметов можно установить по их принадлежности определенной лошади, так как каждое животное отличалось своим изобразительным рядом украшений. К сожалению, по могильнику Берел отсутствует системное исследование конского снаряжения, являющееся задачей археологов, поэтому нам пришлось обратиться к синхронным хорошо сохранившимся памятникам пазырыкской культуры с аналогичными захоронениями лошадей (Грязнов, 1950; Руденко, 1953; Полосьмак, 2001). Конечно, первоисточником реконструкции являлся сохранившийся берельский набор элементов амуниции верхового коня.

Мы не ставили целью воспроизведение биологического объекта – лошади, и выполнив первые реконструктивные работы на полных макетах коней (Рис. 2), в дальнейшем стали использовать деревянные схематические конструкции (Рис. 3), которые дают возможность показать целостную картину конского убранства, но исключают обсуждение породы животного.

Список источников и литературы

Алтынбеков К. Опыт сохранения и презентации памятников археологии // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. – Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2010. – С. 401-406.

Алтынбеков К. Музеефикация археологического раскопа // Маргулановские чтения - 2011. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 388-390.

Алтынбеков К., Чарлина Л.Ф. Консервация седельных комплексов из могильника Берел // Маргулановские чтения-2012 (в печати).

Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Состав для консервирования и укрепления археологических находок из деградированной древесины. – Патент РК №12176. – 2001.

Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Состав для консервирования и укрепления археологических находок из деградированной древесины. – Патент РК №16940. – 2004а.

Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Состав для консервирования и укрепления археологических находок из деградированной древесины. – Патент РК №17071. – 2004б.

Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. «Способ пропитки древесины». – Инновационный патент РК №25464. – 2012.

Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Диагностика процесса пропитки деградированной древесины // Поиск. – 2010. – №4. – С. 20-24.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд. ГЭ, 1950. – 85с.: табл.

Молодин В.И. Методика археологических исследований памятников с мерзлотой // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд. Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 50-56.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336с.: илл.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1953. – 402 с.: табл.

Самашев З., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: ОФ «Берел», 2004. – 312 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Снаряжение кочевников как этнокультурный и хронологический показатель при изучении истории Алтая //

Снаряжение кочевников Евразии: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 6-10.

Altynbekov K. Conservation of saddle complexes from Berel burial ground //International Symposium «Leatherworking, textil and nomads in historical periods» – Istanbul, 2012.

И.А. Аржанцева¹, А.А. Тажекеев²

¹*Россия, Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,*

²*Казахстан, Кзыл-орда, государственный университет им. Коркыт Ата*

**«КОРА» - ВРЕМЕННЫЕ ЗАГОНЫ ДЛЯ СКОТА В КАЗАХСТАНЕ:
ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАРИСОВКА**

Abstract

A number of features which had been identified on Google Earth images and initially thought to be remains of ancient buildings were inspected and recorded by a joint Russian-Kazakh archaeological expedition in the course of survey work in autumn 2009 in southwest Kazakhstan (Aral Sea region). As a result of the survey and after information from locals, we have ascertained that these are temporary cattle corrals (kora in Kazakh) which had been built about 70 years ago. These disused «kora» have their origins in the dramatic context of the 1930s and 1940s in Kazakhstan (a famine following forced collectivization, the liquidation of the pastoral-nomadic economy, and the deportation of ethnic Koreans from the Russian Far East to Kazakhstan). They are now monuments of a difficult and tragic period which created a clash of interests of indigenous nomadic pastoralists and immigrant sedentary agriculturalists, and forced them to co-exist and survive under conditions which were unusual and unaccustomed for both.

В октябре 2009 г. совместной российско-казахской экспедицией был проведен отдельный разведочный маршрут в районах к северу, востоку и югу от средневекового городища Джанкент (Кзыл-Ординская обл., Казалинский р-н, РК), где с 2005 года данной экспедицией в течение последних пяти лет ведутся основные исследовательские работы (Аржанцева и др., 2010). Основной задачей этих работ являлся поиск некрополя, относящегося к периоду существования городища.

В результате дешифровки космических снимков окрестностей средневекового городища Джанкент, помимо предполагаемых курганов, было выявлено также несколько прямоугольных (и одно круглое) в плане сооружений, изначально принятых нами за остатки древних жилищ (Рис. 1). Причем эти сооружения не были ни описаны, ни даже просто отмечены Хорезмской экспедицией, их нет ни на одном аэрофотоснимке, хотя именно этот регион довольно подробно обследовался, начиная с 1946 г. (Толстов, 1947а: 180–188; 1947б: 57–71; 1948: 62; 1952).

Нашей задачей было проверить на местности, что представляли собой эти сооружения. В ходе полевых разведочных работ в данном небольшом регионе (окрестности Джанкента) было зафиксировано на поверхности всего пять таких сооружений, которые удалось сопоставить с данными дешифровки.

Все эти объекты оказались однотипными по технике сооружения – ровные земляные площадки, окруженные последовательно рвом и валом, одинаковые по форме и примерно одинакового размера. При подробном обследовании на местности нам пришлось отказаться от изначальной гипотезы о том, что это остатки древних жилищ или усадеб: здесь не было обнаружено никаких остатков пахсы или сырцовых кладок – типичного строительного материала для этого региона с древнейших времен и по сей

день. Культурный слой на объектах и вокруг отсутствовал. Все эти сооружения располагались посреди заброшенных рисовых полей или полей бахчевых культур, некоторые из которых функционируют и сейчас. При ближайшем рассмотрении стало очевидным, что рвы вокруг площадок копались при помощи техники, валы сохранились на порядочную высоту, а рвы сохраняли свою изначальную форму и были «затянуты» землей в незначительной степени. То есть эти обвалованные площадки были сооружены лет 50–60 назад. Со слов местных жителей выяснилось, что эти площадки являются временными загонами для скота – «кора» (каз. хлев, двор.), которые строились здесь при помощи трактора в 1950-х (возможно, несколько раньше) посреди рисовых полей, и предназначались для временной передержки скота – для того, чтобы животные не вытаптывали рисовые поля. Почему эти временные загоны появились именно в 1950-е годы? Почему случилось так, что рисовые поля нужно было защищать от скота наспех сооруженными загонами? Ведь одновременно с этими временными существовали и постоянные загоны в аулах и на зимовках, рядом с саманными домами. Почему здесь вообще появились рисовые поля (это агрокультура не типична для традиционного хозяйства Казахстана)? Объяснить появление этих примитивных и в то же время характерных сооружений в этой местности можно, только обратившись к историческим событиям, происходившим на этой территории в XX в. Голод 1931–1933 гг. существенно изменил жизнь казахов и практически сломал традиционную систему скотоводческого хозяйства. До голода казахи в значительной массе были кочевым и полукочевым народом, ведущим традиционное скотоводческое хозяйство; в ряде районов – с элементами земледелия. «Голощекинский» голод или Великий джуг – голодомор 1931–1933 гг. (назван по имени Ф.И. Голощекина, бывшего в 1925–1933 гг. первым секретарем крайкома ВКП(б) Казахской АССР. Принятая им в начале 1930 г. директива о «коллективизации на основе оседания», в сочетании с предшествующим фактическим разграблением и конфискацией казахских кочевых скотоводческих хозяйств, стала последним толчком к катастрофе) явился следствием политики коллективизации и насильственного удерживания кочевников в «точках оседания» вместе со скотом, не обеспеченным кормами. Это привело к хозяйственной и гуманитарной катастрофе и голоду 1931–1933 гг., когда по различным подсчетам погибло от 2 до 3 млн. казахов и представителей других национальностей, проживавших на территории Казахстана (русские, узбеки, уйгуры). Поголовье скота уменьшилось на 90% (Абылгожин и др., 1989: 53–71; Михайлов, 1996: 10; Народ не безмолвствует, 1996: 9; Власов, 2008).

После коллективизации, насильственного оседания и последующего губительного голода казахи уже не могли вернуться обратно к кочеванию и традиционному быту и жили уже в поселках, состоящих из сотни хозяйств, причем личные хозяйства были очень слабы. Теперь они работали в общественном хозяйстве, продукция которого тут же уходила государству (История государства..., 1963: 252–259; Верхотуров, 2008). Система традиционного скотоводческого хозяйства была разрушена, пастбищные угодья распаханы и приспособлены под земледельческие нужды. По времени это совпало с тотальной депортацией в 1937 г. корейцев из Дальневосточного края согласно постановлениям Совнаркома СССР от 21.08 и 28.09.1937 г. (Белая книга..., 1992: 64, 80). На основании этого правительственного решения в течение очень короткого срока с Дальнего Востока было депортировано более 200 тыс. корейцев в Центральную и Среднюю Азию, в том числе около 40 тыс. в Казахстан. Переселение корейцев в Казахстан и Узбекистан объяснялось политическими и репрессивными целями, но имело и еще одно объяснение: переселение задумывалось как грандиозный экономический эксперимент. После голода 1932–1933 гг. в Казахстане и Средней Азии не хватало «людских ресурсов» для выполнения пятилетних планов по освоению

а не от наличия в этом месте наскальных рисунков или других объектов древности. Например, нередки случаи нанесения красками буддийских молитв непосредственно на петроглифы бронзового века. От чего петроглифы становятся утраченными как культурное наследие. Такое же отношение к древним культовым объектам можно наблюдать не только у сторонников буддизма, но и шаманистов. Например, известный археологический объект Табангутское обоо, расположенный в Кяхтинском районе Республики Бурятия, является и местом поклонения у шаманистов. Сам каменный курган обоо, возведённый на холме с наскальными рисунками, с конца 1990-х годов значительно подновился. Увеличение каменного кургана обоо было осуществлено за счёт новых камней, положенных в кладку, в том числе и камней с выбитыми на них древними изображениями, которые были выкорчеваны со склонов холма. Современное обоо, организованное рядом с Хэнгэр-Тын-3 Святилище также не связано с пониманием того, что здесь находился древний культовый объект. Это место у современного населения имеет несколько названий, наиболее распространённое – это «коновязь». Интерпретируется же оно как загон для скота, а наскальные рисунки уже давно видны очень слабо и ни один местный житель не знает об их существовании.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00274.

Список источников и литературы

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1970. - Ч 2. – 263 с.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 202 с.

Ташак В.И. Хэнгэр-Тын-3 «Святилище» – природная основа палеолитического жилища // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 192 – 196.

Ташак В.И. Барун-Алан 1: хронология и особенности формирования верхнего палеолита // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918 – 1937 гг. - Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. – С. 316 – 321.

Ph. Charland

Canada, Montréal, Université du Québec à Montréal

SACRED TERRITORIES AS DOCUMENTED BY ARCHEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH

Аннотация

This paper relates to the reconstitution and definition of the territorial space of the American northeast. The main objective of this paper was to reconstruct the traditional territorial map of the Abenakis, one of the Aboriginal Peoples of the region. Supported by the essence of identity expressed through the original Abenakis place names within the Canadian province of Québec, it is possible to trace their historical, sacred territory, the W8banaki. By systematically examining the available historical, cartographical and geographical resources, more than 1000 place names (toponyms) of Abenaki origin were collected. By comparing the presence of the Abenakis nation in various written sources preserved by early European colonists to maps which superimposed the collected toponyms onto the present-day topography of the province, the complementarity of the data established the effective presence of the Abenakis within a defined territory in Québec.

Extensively dispersed throughout southernmost Québec, the place names of Abenakis origin follow a pattern strongly linked to the rivers of the region. The southern bank of the St. Lawrence River, from the Richelieu River to the Bas-Saint-Laurent region, has formed part of Abenakis territory from at least the 17th century to the present day. During the 20th century the Bas-Saint-Laurent region was the easternmost zone in which Abenakis place names were in use. To the north, the Saint-Maurice River area has existed as a zone of Abenakis occupation since the 19th century and in the Outaouais region their presence can be traced back to the 20th century. The southern region of Québec, a territory that houses almost 80% of the province's current population, represents an indigenous world that had disappeared physically as well as from the collective memory of the inhabitants of Québec of both indigenous and European ancestry. This research serves to support the remaining Abenaki inhabitants who continue to occupy their ancestral territory and attempt to preserve the traditional practices and land use of their people.

J. Urbańczyk

Poland, Warsaw, University of Warsaw

SIBERIAN PROMISED LAND AND THE TEMPLE CITY

I will present results of my ethnographic research on the Last Testament Church – religious community building the Pole of Peace in a new Promised Land in the Siberian taiga. My focus will be on the practices of creating and maintaining sacred space undertaken by the most devoted community members in the specific context of post-Soviet Russia.

Н.И. Шутова

Россия, Ижевск, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
**ТРАДИЦИОННОЕ САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УДМУРТСКОЙ ОКРУГИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Abstract

Traditional sacral space of the Udmurt rural districts in the late 19th and early 20th century. This article analyzes the sacred space of the Udmurt rural localities in the late 19th and early 20th century as a specific phenomenon of the symbolical creation and transformation of the surrounding natural, socio-cultural and spiritual environment.

Со времен публикации М. Элиаде «Сакральное и профанное: Природа религии» (1959) представители разных научных дисциплин обратили внимание на понятие «сакрального пространства». Этот термин использовали для объяснения взаимоотношений между индивидом, обществом, ландшафтом, архитектурой, религией, представителями иных миров. Подобные темы также входили в сферу наших научных интересов (Шутова, 2001; 2010; 2011; Шутова, Капитонов, Кириллова, Останина, 2009).

В настоящей статье сакральное пространство рассматривается как своеобразный виртуальный природно-культурный комплекс, как особое творческое явление по символическому освоению и преобразованию окружающей природной, социокультурной и духовной среды. Применение подобного подхода стимулировали теоретические разработки М. Элиаде и А.М. Лидова. Религиоведом М. Элиаде в научный оборот была введена категория «иерофания»: «Всякое священное

пространство предполагает некую иерофанию, некое вторжение священного, в результате чего из окружающего космического пространства выделяется какая-либо территория, которой придаются качественно отличные свойства» (Элиаде, 1994: 25), предполагающая божественное присутствие, наличие иррационального (мистического) компонента в сакральном пространстве. Историк искусства А.М. Лидов предложил использовать термин «иеротопия» (греч. *иерос* ‘священный’ и *топос* ‘место, пространство, понятие’) для обозначения особого вида творчества и специальной области исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества (Лидов, 2012: 12–13).

Обратимся к конкретному примеру. В окрестностях д. Нижние Юраши (Граховский район, Удмуртская Республика) существовали разные по назначению и общественной значимости культовые места. Святилище Булда, посвященное влиятельному богу-покровителю, занимает самый возвышенный участок местности и располагается от деревни выше по течению местной реки. Наиболее сакральная часть капища представляла собой поляну округлой формы в лесу. На моления сюда собирались жители 18 окрестных деревень. Святилище Булда удмурты называют Большим/Великим молением (*Быдзым вось*).

В общественную церемонию, связанную с почитанием *Булды*, были включены меньшие по значению культовые места – Среднее моление (*Шорын вось*) и Малое моление (*Пичи вось*). Они также располагались от деревни выше по течению реки. Среднее моление занимало промежуточное положение, как с точки зрения общественной значимости, очередности проведения, продолжительности проводимых на нем церемоний, так и места конкретной локализации относительно природных и культурных объектов: оно занимает возвышающуюся над рекой впадину между двумя более высокими холмами, между двумя капищами Великим (*Булда*) и Малым (*Пичи*). Молились на этом месте в течение двух дней. Малое моление, располагавшееся в низине, имело более низкий сакральный статус. В прежние времена здесь стояло строение. Молились в течение одного дня, ели пресные раскатанные сочни. Оба священных места (Среднее и Малое капища) располагались от деревни выше по течению реки, на обрядовые моления на них собирались только нижнеюрашинские жители.

Общедеревенская постройка Великая куала располагалась на низменной части левого берега реки, выше по течению от деревни. Здесь росла мощная сосна. В конце XX в. летом перед Троицей сюда ходили есть кашу, варили яйца, чтобы вовремя шел дождь, чтобы уродился хороший урожай. Если долго не было дождей, старики чистили окрестные родники. Сакральные места низшего ранга, связанные с захоронением и поминовением предков располагались ниже по течению реки. На месте *кур куян* (букв. ‘место выброса коры/луба’) выбрасывали принадлежности умершего. Сюда же отвозили кости жертвенного животного после совершения обряда памяти предков *йыр-пыдсётон* (букв. ‘приношение/давание головы-ног’).

Возникновение капища Булда связывают с тем, что в давние времена одному человеку было видение: из лесочка вышел человек и очень просил приносить ему кровавую жертву. Хозяина святилища представляли в облике высокого человека/старика в белой одежде. По другим версиям, *Булду* представляли в виде ели или дуба. В Петров день на капище жертвовали белого барана, другую живность и ели пшеничную кашу. Осенью, на Покров, жрецы ходили прощаться с Булдой и жертвовали ему гуся или утку.

Накануне обрядовой церемонии в Петров день обязательно мылись в бане, ничего нечистого, плохого не делали перед молением, не имели интимных отношений с женой. В первый день резали утку, на второй – овцу, на третий – моления сопровождалась

игрой на скрипке, на четвертый – проводили моления в лесу, на пятый – резали гуся. Начиналось общественное моление во дворе почетного председателя *торо* Харитон-дая (бабай, дадай, дай/дадай производные от удм. *агай* ‘старший брат, дядя’; рус. дядя, дед; тат. *бабай* ‘дедушка’). Утром в праздник встречи весны *акашки* всей семьей выходили во двор, в руках несли тарелки с хлебом, кашей, яйцами, маслом. Становились перед восходом солнца и просили у *Инмара* (главный бог, бог неба) теплый дождь, достаток людям, уберечь от пожаров и бед. Затем заходили в дом и садились за трапезу.

Моление продолжалось на капище, посередине поляны. В сакральном круге среди лип и дубов сидел почетный председатель *торо* Харитон-дай с полотенцем на шее и руководил молением. Вокруг него по кругу стояли жрецы и держали в руках на полотенцах тарелки с хлебом и мясом. Остальные участники стояли рядом вокруг этого места. Жрецы три раза ходили по кругу по солнцу, поочередно возносили к небу хлеб, кумышку, тарелку с жертвенным мясом и кашей. Просили, чтобы скот уродился, люди не болели. Время от времени один из жрецов восклицал: «*Йыбырттэ!*» (Кланяйтесь, молитесь!), – и все присутствующие становились на колени и молились, отдавали поклоны. Моление продолжалось с утра до вечера в течение нескольких дней. Уходя, крестились и говорили: храни нас до будущего года. Религиозные церемонии сопровождалась игрой на гусях, скрипках, существовала специальная обрядовая мелодия без слов.

Пожертвованные вещи во время церемонии (отрезы ткани, полотенца, скатерти и пр.) развешивали на святилище, а в промежутках между молениями хранили у главного жреца или почетного председателя в сундуке/сундуках в особом амбаре. В сундуки же складывали используемые во время моления вещи (специальные кафтаны, платки, пояса, небольшие подушки, чашки и ложки). Перед общественной церемонией, за три дня до Петрова дня стирали в речке предметы из священных сундуков. Число участников достигало 30 человек. Это был шумный и веселый праздник. На речку ездили на лошадях с колокольцами, Митя-бабай играл на скрипке. Когда старики решили бросить моление, все ценные и красиво вышитые вещи продали и устроили большой праздник для всей деревни: установили столы с угощениями, пировали. Говорят, моление «пустили по воде».

В процесс формирования сакрального пространства вовлечено множество важных моментов. Играет роль топография капища, характер жертвы, определение места и способов молений (сон, видение, поведение жертвенного бычка, др.), планировка святилища, порядок и последовательность проведения моления и жертвоприношений, декоративное оформление святилищ – деревья, ветви деревьев, полотненчатые женские головные уборы и полотенца с вышитыми концами, др., специальные одеяния участников молений. Разработаны правила поведения в сакральных локусах, способы прекращения молений, размещение и ролевые функции участников жертвоприношения, трансперсональные способности служителей культа, специальные процедуры освящения пищи. Обрядовые церемонии совершаются по определенному сценарию, включающему музыкальное сопровождение – гусли, скрипка, песнопения, хождение по кругу, сидение сакральной персоны, возгласы, поклоны, возжигание огней – кострища/кострищ, иногда свеч, совместная трапеза и угощение божеств.

После проведения моления на святилище церемония воссоздания сакрального пространства продолжается в деревне: освященной пищей со святилища угощали всех, кто не имел возможности участвовать в молениях. Происходило гостевание среди родственников. В ряде ареалов гостевание совершалось между родовыми группами, очерчивая район обитания определенной территориальной группы удмуртского населения.

В конце XIX – начале XX в. ежегодные церемонии по очищению и воссозданию нового сакрального пространства и времени как залога будущего благополучия людей проводились у всех групп удмуртского населения в начале нового года по традиционному календарю, в праздник встречи весны и начала весенне-полевых работ. Празднично-обрядовые мероприятия *Акашка* (от древнебулг. *ака* ‘плуг, сев’ + *яшка* ‘суп, похлебка’, означает «суп в честь плуга») или *Быдзым нунал* (Великий день) продолжались в течение одной–двух недель. В подготовительный период прибирались и украшали дом, проводили очистительные обряды, устанавливали обереги на дверях избы и хозяйственных строений, поминали умерших родственников, топили баню. Главные торжества приходились на воскресный день *Бадзым нунал* ‘Великий день’ (совпадал с Пасхой). В этот день готовили и освящали обрядовое блюдо кашу с гусем, стряпню. Затем совершалось гостевание-обход родственников по отцовской линии строго против течения местной реки или по солнцу.

У завятских и закамских удмуртов после Великого дня празднование продолжалось еще неделю. Освящали хлеб в родовой/патронимической священной постройке Великая куала, обращались с молитвами к семейно-родовым богам-покровителям, посещали кладбище для поминовения, катались на лошадях по деревне, совершая обряд символического очищения и освящения деревенского пространства, проводили обрядовую трапезу, освящали домашнее пиво, гостевали по домам, отмечали праздник первой проталинки *гуждор* с обрядовой кашей, устанавливали качели, совершали поминальное моление, ходили в баню. В воскресенье молились *Инмару* (бог неба удмуртов, позднее слился с христианским Богом). Этот день так и назывался *Инмар пуксён нунал* ‘день воцарения / сидения *Инмара*’. После завершения празднования начинались весенне-полевые работы.

Система организации традиционного сакрального пространства удмуртской сельской округи предполагала существование религиозного центра с окружным святилищем, основными сакральными ценностями в старой материнской деревне, сети более мелких деревень, в каждой из которых имелись своя общедеревенская святыня, группа родовых или патронимических культовых объектов. За пределами каждого селения располагались священные места для почитания хозяев дикой природы и умерших предков. В пределах деревни располагалась сеть сакральных локусов отдельных домохозяев или патронимий. Существовало несколько кругов сакральности: пределы дома/хозяйства с сакральной постройкой, пределы селения с прилегающими к нему деревенскими святынями, пределы сельской округи, состоящей из 5–30 селений с окружным святилищем. Каждое дохристианское святилище имело специально организованную внутреннюю структуру. В основе системы организации сакрального пространства удмуртской деревни лежали два главных принципа: первое – ее ориентированность относительно местной реки как одновременно горизонтальной и вертикальной оси; второе ее размещение относительно самой деревни как символа серединного окультуренного мира.

В целом, в рамках традиционного удмуртского общества сформировалась целостная система размещения культурных и культовых объектов, которые маркировали важные точки виртуального пространства округи. Оно имело ясно очерченную структуру с центром и периферией, строгую внутреннюю иерархию священных мест, систему их почитания и правила гостевания в пределах округи. Хорошо организованная система размещения и функционирования дохристианских и христианских культовых памятников и сакральных локусов, коллективное проведение аграрных и семейных праздников способствовали единению и сплочению людей каждой округи не только в хозяйственном и социальном плане, но и в духовном

смысле. В пределах каждой локальной территории происходило регулярное воспроизводство сакральных ценностей и психологическая релаксация людей.

Список источников и литературы

Лидов О.М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Хортицкий семинар: Сакральна географія і феномен паломництва: вітчизняний і світовий контекст. 36. наук. пр. – Запоріжжя: Дике Поле, 2012. – С. 12–37.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 304 с.

Шутова Н.И. Проблема изучения сакрального ландшафта в Камско-Вятском регионе // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика = Geocultural space of European North: genesis, structure, semantics. – Архангельск: С(А)ФУ, 2011. – С. 119–130.

Шутова Н.И. Сакральный ландшафт в православных округах Камско-Вятского региона» // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбург. Епархии, 2010. – С. 47–50.

Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона.–Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009. – 244 с.

Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ HISTORICAL RECONSTRUCTION BY ARCHEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH

К. Алтынбеков КОНСЕРВАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК	3
И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев «КОРА» - ВРЕМЕННЫЕ ЗАГОНЫ ДЛЯ СКОТА В КАЗАХСТАНЕ: ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАРИСОВКА	8
I. Arzhantseva, O. Inevatkina, V. Zav'yalov, R.A. Vafeev, H.A. Schubert, H. Härke THREE-DIMENSIONAL RECONSTRUCTION OF THE SITE OF POR-BAJIN (TUVA).....	12
Н.Г. Артемьева АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗДАНИЙ КОЛОННАДНОГО ТИПА ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОГО СЯ (1215-1233)	17
Н.С. Баранова КОМПЛЕКС УКРАШЕНИЙ ИЗ МОГИЛЫ 217 КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ЧЕРТАЛЫ-IV (К РЕКОНСТРУКЦИИ ЖЕНСКОГО ГОЛОВНОГО УКРАШЕНИЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ)	21
Л.А. Бобров ТЕХНИКА КОННОГО КОПЕЙНОГО БОЯ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ XVII- СЕРЕДИНЫ XIX ВВ.....	27
А.И. Боброва, А.Ш. Бодрова ПОЯСА XVII ВЕКА ИЗ ПРИКЕТЬЯ : ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ И ДЕКОРА	34
А. В. Варенов ПАНЬЛУНЧЭН – ШАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ С ДВОРЦОВЫМ КОМПЛЕКСОМ ПЕРИОДА ЭРЛИГАН НА СРЕДНЕЙ ЯНЦЗЫ	43
Rosa Guadalupe de la Peña Virchez РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ ИСКУССТВА МЕКСИКИ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА (НА ПРИМЕРЕ МОНАСТЫРЕЙ ОКУЛИАН, ЧАЛМА, МАЛИНАЛЬКО)	47
Т.Н. Глушкова РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИИ ТКАЧЕСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ	48
М.В. Горелик ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ТАТАРЫ НАЧАЛА ВТОРОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ (ПО ДАННЫМ КОСТЮМА).....	51
А.Л. Заика ОБРАЗ МАМОНТА В ДРЕВНЕМ И ТРАДИЦИОННОМ ИСКУССТВЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ.....	56
В.М. Кимеев ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭКОМУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТРЕХРЕЧЬЕ» В ГОРНОЙ ШОРИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ	61
М.В. Кржижевский ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ремесел ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)	66
Е.В. Куприянова МЕДИЦИНСКИЕ ЗНАНИЯ В СТЕПНЫХ КУЛЬТУРАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ.....	70
О. С. Лихачева РЕКОНСТРУКЦИЯ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ VI–V ВВ. ДОН.Э.	75
Н.П. Макаров АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАДЫ ИЗ ФОНДОВ КРАСНОЯРСКОГО МУЗЕЯ КАК ИСТОЧНИК ПО МИРОВОЗРЕНИЮ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ.....	79
Е.М. Макарова, Н.В. Харламова НАСЕЛЕНИЕ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА (ЙОШКАР-ОЛЫ) КОНЦА XVI – СЕРЕДИНЫ XVIII ВВ. ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ).....	82
Л.Е. Малякутова ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ	89

О.А. Митько	
ДЕРЕВЯННЫЕ ОГНЕВЫЕ ПРИБОРЫ НА ОСТРОВАХ ЯПОНИИ	90
А.Д. Назаркин	
ТОФАЛАРСКИЕ НАРОДНЫЕ ИГРЫ.....	93
В.Б. Николаева	
ПЕРВЫЙ КАМЕННЫЙ ДАЦАН БУРЯТИИ	98
Ю.И. Ожередов	
КОМБИНИРОВАННАЯ СТАТУЭТКА ИЗ «ВАСЮГАНСКОГО КЛАДА».....	102
А.Н. Павлова	
ЖЕНСКИЕ ШАПОЧКИ ФИННО-УГРОВ ПОВОЛЖЬЯ	106
И.Г. Петров	
ОБОРАЧИВАНИЕ НОВОРОЖДЕННОГО МЛАДЕНЦА В ОДЕЖДУ РОДИТЕЛЕЙ У ЧУВАШЕЙ: К ВОПРОСУ СЕМАНТИКИ РИТУАЛА	109
Л.М. Плетнева	
О ВСТРЕЧАЕМОСТИ БРОНЗОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ МЕДВЕДЯ, КОНЯ И КОСТЕЙ КОНЯ В МОГИЛЬНИКАХ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НОВОСИБИРСКОГО И ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ....	112
К.А. Руденко	
ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕЛЬСКОЙ УСАДЬБЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: МЕТОДИКА И ПРАКТИКА (К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТРАДИЦИЙ ДОМОСТРОЕНИЯ В ВОЛГО-КАМСКОМ РЕГИОНЕ)	116
Т.Б. Смирнова	
АРХАИКА В КУЛЬТУРЕ ДИАСПОРНЫХ ГРУПП И ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ЕЕ ДЛИТЕЛЬНОЙ СОХРАННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЦЕВ В СИБИРИ).....	119
С.В.Снопков, П.С.Снопков	
РЕКОНСТРУКЦИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ЖЕЛЕЗА ПО МАГНИТОРАЗВЕДОЧНЫМ ДАННЫМ (ПРИОЛЬХОНЬЕ, ЗАПАДНЫЙБЕРЕГБАЙКАЛА)	123
Ю.В. Степанова	
ЖЕНСКИЕ ПРИЧЕСКИ НА РУСИ В XI-XVII ВВ.....	127
М.Н. Тихомирова	
ОБ ИСТОРИИ ХЛЕБОПЕЧЕНИЯ У ТАТАР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: КПОСТАНОВКЕВОПРОСА.....	130
С.С. Тихонов	
УЗЕЛ XVII ВЕКА ИЗ ТАРСКОЙ КРЕПОСТИ	134
В.В. Ушницкий	
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ КУЛЬТУРЫ САХА СО СКИФО-СИБИРСКИМ МИРОМ ЕВРАЗИИ	140
Д.Ф. Файзуллина	
«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОСТЮМ» В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РЕКОНСТРУКЦИЯ И СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	144
З.Ф. Хасанова	
АТРИБУТЫ ДОИСЛАМСКИХ ВЕРОВАНИЙ В БЫТУ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАШКИР ИНЗЕРСКОГО БАССЕЙНА	147
Ю.С. Худяков	
ДРЕВКОВОЕ КОЛЮЩЕЕ ОРУЖИЕ КЫРГЫЗОВ ТЯНЬ-ШАНЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ	150
А.П. Ярков	
О ПОНЯТИИ «СРЕДНЕВЕКОВОЕ РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К УСЛОВИЯМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	154

**МИР ИНОБЫТИЯ: МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ПРАКТИКИ ДРЕВНИХ
И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ И СМЕЖНЫХ НАУК
ALTERNATIVE WORLDS AND WORLDVIEWS: THE WORLDVIEW AND
PRACTICES OF ANCIENT AND TRADITIONAL SOCIETIES AS DOCUMENTED
BY ARCHEOLOGISTS, ETHNOGRAPHERS AND INTERDISCIPLINARY
RESEARCHERS**

М.С. Баташев	
ПЛАНЫ ШАМАНСКИХ ЧУМОВ ВЕРХОВЬЕВ ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКИ	160

Р.И. Бравина ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЯКУТОВ О ЗАГРОБНОМ МИРЕ (ПО ФОЛЬКЛОРНЫМ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ).....	164
D. Brandisauskas PERCEPTIONS AND USE OF ROCK ART SITES AMONG ZABAİKAL OROCHEN-EVENKI REINDEER HERDERS AND HUNTERS.....	167
И.П. Возный ПЕРЕЖИТКИ ЯЗЫЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ В БЫТУ ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРУТ-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ.....	167
А.В. Гарковик ДРЕВНИЕ СВАТИЛИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ).....	173
Ю.В. Герасимов К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОРУЖИЯ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ ТАРСКИХ ТАТАР (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЧЕПЛЯРОВО-27).....	178
М.А. Дикова, В.Н. Нувано ОЛЕНЬ В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ И РИТУАЛЕ (ЧУКОТКА)	182
А.Г. Новиков, О.И. Горюнова ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ПРИОЛЬХОНЬЯ (ОЗ. БАЙКАЛ)	185
А.А. Дайрабаева СПОСОБ БОРЬБЫ С ЗАСУХОЙ В ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТИ КАЗАХОВ БУРЛИНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ	190
И.А. Карапетова ОБ ОДНОМ ФОЛЬКЛОРНОМ СЮЖЕТЕ ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ	193
О.П. Коломиец СВЯЩЕННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЗНАКИ И ПРЕДМЕТЫ ЧУКЧЕЙ	197
S.A. Crate A SITUATING OF KNOWLEDGE AND CHANGE IN 21ST CENTURY RURAL CONTEXTS	201
А.А. Крупяно О КЛАДЕ С ЗЕРКАЛОМ В ДОЛИНЕ РЕКИ ЗЕРКАЛЬНОЙ (ПРИМОРСКИЙ КРАЙ).....	202
Н.Е. Мазалова РУССКИЙ КОЛДУН: МЕЖДУ ПРИРОДНЫМ И СОЦИАЛЬНЫМ.....	206
Т.Г. Миннихметова ОДЕЖДА УМИРАЮЩЕГО И УМЕРШЕГО (НАПРИМЕРЕ ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ)	209
Ж. Орозбекова НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КЫРГЫЗОВ ТЯНЬ-ШАНЯ.....	213
Н.Н. Серегин «ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТА» ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	216
J. Francis ROCK PAINTINGS, SHAMAN DRUMS AND THE PRESERVATION OF ANCIENT SÁMI CULTURE IN FINLAND	220
John P. Ziker THE LOGIC OF TRADITIONAL WORLDVIEWS AND PROMOTION OF SOCIAL NORMS.....	220
И.Ю. Чикунова НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОТАЕЖНОГО ПРИТОБОЛЬЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИПКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА).....	221

**САКРАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
SACRED LANDSCAPES: SACRED TERRITORIES AS DOCUMENTED BY
ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH**

В.Н. Авраменко ОСОБЕННОСТИ КАМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПАМЯТНИКА «КУРМА XII»	226
А.Л. Автушкова К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЛЕГЕНД О ПАМЯТНИКАХ АРХЕОЛОГИИ НА ТЕРРИТОРИИ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ.....	230

Ю.Е. Антонова, В.И. Ташак	
БАРУН-ЛАМХЭ – ДРЕВНЕЕ СВЯТИЛИЩЕ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ.....	233
С.Д. Сыргыпова, Ю.И. Дробышев, П.Д. Гунин	
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ САКРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ МОНГОЛИИ	236
В.А. Данилейко	
МАТЕРИАЛЫ С САКРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ФОНДЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ	242
Д.М. Дашилхамаев	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ СЭРГЭ	247
М.А. Дикова	
САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ГРАФИКИ МАЛЫХ ФОРМ (СТОЯНКА РАУЧУВАГЫТГЫН I, ЧУКОТКА)	249
В.М. Дьяконов	
ДРЕВНИЕ СВЯТИЛИЩА ЛЕНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ).....	252
А.М. Илюшин	
КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА И ПЛОЩАДКИ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ	256
A.D. Kalikhman, T.P. Kalikhman, V.B. Sochava	
THE MODEL OF CONSERVATION OF ETHNO-NATURAL TERRITORY «SAYANCROSS»	262
Е.А. Окладникова	
ЛАБИРИНТЫ ЗАПОЛЯРЬЯ: МАРКЕРЫ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	266
Р.А. Рабинович, С.С. Рябцева	
О ВРЕМЕНИ БЫТОВАНИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИИ, ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГОРОДИЩ ТИПА ЕКИМАУЦЫ-АЛЧЕДАР В МОЛДОВЕ	270
А.Г. Селезнев	
«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ» МИФ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ (САКРАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В РАЙОНЕ ДЕРЕВНИ ОКУНЕВО МУРОМЦЕВСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)	275
В.И. Семенова	
ИЕРОТОПИЯ ТЮМЕНИ (САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КОНЦА XVI-XVIII ВВ.)	280
Ю.Б. Сериков	
САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ШАЙТАНСКОГО ОЗЕРА (СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ).....	283
А.А. Сирина	
ПРОЕКТ НЕФТЕПРОВОДА «ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ – ТИХИЙ ОКЕАН» И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ САКРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА	287
С.В. Сотникова	
МИР-СУСНЕ-ХУМ И МИТРА: К РЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОГО ОБСКО-УГОРСКОГО РИТУАЛА ...	291
Н.А. Тадина, Т.С. Ябыштаев	
О ПРАКТИКАХ САКРАЛИЗАЦИИ РОДОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ У АЛТАЙЦЕВ.....	294
В. И. Ташак	
ДРЕВНИЕ КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ: СОВРЕМЕННОЕ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ	298
Ph. Charland	
SACRED TERRITORIES AS DOCUMENTED BY ARCHEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH	301
J. Urbańczyk	
SIBERIAN PROMISED LAND AND THE TEMPLE CITY	302
Н.И. Шутова	
ТРАДИЦИОННОЕ САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УДМУРТСКОЙ ОКРУГИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	302

Интеграция археологических и этнографических исследований

Сборник научных трудов

Подготовлено к печати Л.Н. Кургузовой
Печатается с файлов, предоставленных авторами